

УДК 575.8:612.821:616.89

В. С. Битенский, *д-р мед. наук, проф.*,

М. М. Пустовойт, *канд. мед. наук,*

Р. В. Кечур, *канд. мед. наук, доц.*,

И. И. Краснополяская

ПЕРЕЖИВАНИЕ ИНВОЛЮЦИОННОГО КРИЗИСА С ПСИХОДИНАМИЧЕСКОЙ И ПСИХОПАТОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ

Одесский государственный медицинский университет, Одесса, Украина,

Львовский национальный медицинский университет, Львов, Украина,

Ивано-Франковский государственный медицинский университет,

Ивано-Франковск, Украина

УДК 575.8:612.821:616.89

В. С. Бітенський, М. М. Пустовойт, Р. В. Кечур, І. І. Краснополяська

ПЕРЕЖИВАННЯ ИНВОЛЮЦІЙНОЇ КРИЗИ З ПСИХОДИНАМІЧНОЇ ТА ПСИХОПАТОЛОГІЧНОЇ ТОЧОК ЗОРУ

Одесский державный медицинский университет, Одеса, Україна,

Львівський національний медичний університет, Львів, Україна,

Івано-Франківський державний медичний університет, Івано-Франківськ, Україна

У статті на прикладі зі світової літератури (роман «Будденброки» відомого німецького письменника Томаса Манна) висвітлюються особливості переживання інволюційної кризи. Розглянуто особливості звичних захисних механізмів і допінгових стратегій, зроблена спроба пояснити причини неадаптивного хворобливого перебігу інволюційної кризи.

Ключові слова: інволюція, психосоціальна криза, психодинаміка.

UDC 575.8:612.821:616.89

V. S. Bitensky, M. M. Pustovoyt, R. V. Kechur, I. I. Krasnopolskaya

EXPERIENCE OF THE INVOLUTION CRISES FROM THE PSYCHODYNAMIC AND PSYCHOPATHOLOGIC PERSPECTIVES

The Odessa State Medical University, Odessa, Ukraine,

The Lvov National Medical University, Lvov, Ukraine,

The Ivano-Frankovsk State Medical University, Ivano-Frankovsk, Ukraine

The peculiarities of the involution crisis by an example from the world literature (Thomas Mann's novel "Buddenbrooks") are shown in the article. There were considered common defensive mechanisms and dope strategies. The attempt was made to explore the causes of the non-adaptive and malignant course of the hero's involution crises.

Key words: involution, psychosocial crisis, psychodynamic, psychopathology.

Вступление

Принято считать, что каждому возрасту присущи свои «нормальность» и «патологичность» как в телесной, так и в душевной сферах. Известно также, что каждый возраст привносит с собой определенные задачи, индивидуально-психологические, соматические и психосоциальные решения которых могут происходить легко и гладко, но могут зачастую даваться тяжело или даже претерпевать крах. Вольтер сформулировал этот процесс следующим образом: «Тот, кто не ощущает прелестей своего возраста, обречен на страдание». Это можно понимать так: в детстве, отрочестве, зрелости, пожилом возрасте, в старости человек, в зависимости от жизненных задач

каждого из периодов жизни и наличествующих у него биологических и психических ресурсов, развивает успешную либо неуспешную форму преодоления препятствий, адаптации к ним. Эти формы представляют собой либо достижение специфической для данного возраста субъективной жизненной мудрости, либо ее утрату.

Постановка проблемы и клиническое обсуждение примера из мировой литературы

Среди задач, выдвигаемых перед нами каждым возрастным периодом, можно выделить исходящие из внутреннего мира и ставящиеся миром внешним. Первые не ограничиваются одними лишь изменениями в функционировании

ЦНС, а напрямую касаются также субъективно-внутреннего мира, формирующегося под влиянием мотиваций и влечений. З. Фрейд указывал на такие колебания в периоды пубертата и менопаузы [1]. Задачи внешнего мира концентрируются наиболее часто на социальных отношениях, семейных чаяниях, отношениях к правам и обязанностям, одобряемых либо порицаемых обществом. Обе эти сферы задач тесно связаны друг с другом. Эти связи и их взаимовлияние: становление мотиваций и влечений, с одной стороны, и общественно-индивидуальных потребностей, с другой, — убедительно охарактеризовал Э. Эриксон [2]. Автор показал, как индивидуальная история человека связана с культурной жизнью общества, как переплетаются их прошлое и настоящее, рождая в итоге их будущее или, напротив, разрушая его. Он полагал, что в этом тесном взаимодействии формируется как психическое благополучие, так и психическая патология, образующие полюса в описанных им стадиях психосоциального развития. По Э. Эриксону, на взрослый возраст приходятся 3 стадии, характеризующиеся следующими полюсами: 1) интимность против изоляции; 2) генеративность против стагнации, или же эгоцентричности; 3) интегрированность против отчаяния.

Каждой из стадий взрослой жизни присуще формирование соответствующих добродетелей либо изъянов, что также характеризуются полярностью: любовь к окружению и способность заботиться против обособленности и эгоцентризма.

Так называемый инволюционный кризис кристаллизуется вокруг конфликта «генеративность против стагнации». Для Эриксона эта стадия развития является связующим звеном между индивидуальным жизненным циклом и циклом жизни поколений, ибо именно в этом возрасте перед индивидом, наряду с утратой репродуктивной функции, ставится задание *вступления во взаимнообмен с младшим поколением, достижения взаимной актуализации* с целью стимулировать развитие следующего поколения и реализовать себя в нем [3]. Возможно, этот механизм запускается тем, что после смерти родителей, обычно случающейся именно в этом жизненном периоде, между человеком и смертью больше никого не остается.

Согласно Эриксону, конструктивные, то есть здоровые, решения жизненных кризисов предполагают важную предпосылку: позитивное преодоление и обработка специфических для каждого возраста психосоциальных жизненных кризисов возможны только при условии, по крайней мере, частичного преодоления предыдущих кризисов. Такое понимание согласуется с метафорой З. Фрейда о том, что человеческая психика подобна многослойному тарту, где под украшенной поверхностью всегда можно увидеть изломы и неровности более глубоких слоев. Оно согласуется также с этимоло-

гией немецкого слова «Geschichte» (история), происходящего от слова «послойный», а вместе с тем и с канонами клинико-психопатологического метода исследования, ведь мы ищем истоки и предвестники душевного расстройства в «анамнезе жизни».

В данном аспекте «верхние слои торта», или выражаясь языком психопатолога, манифестная симптоматика и поведение представляют собой «вторичный продукт» от причинного фактора заболевания [4]. Эти «вторичные образования» в психоанализе (как и в психосоматической медицине) принято обозначать термином «психологические защитные механизмы». Если хозяйка хочет скрыть от взоров гостей сломанный корж в середине торта или нерастертый комочек заварного крема, то верхний корж она украсит особенно тщательно, а слой крема в нужных местах сделает потолще или потоньше, чтобы явить взглядам гостей совершенное произведение кулинарного искусства. Выражаясь психоаналитически, защитные механизмы призваны скрывать патогенные конфликты, умирять их; в психопатологии личности речь идет о компенсации, то есть о компенсаторном развитии отдельных черт характера, определенных образцов поведения с целью преодолеть некий недостаток либо несовершенство развития [5].

В период инволюции в жизни (как и в организме) человека происходят необратимые изменения, которые переживаются человеком как невосполнимая утрата чего-то крайне важного. Но как следует понимать связь между переживанием утраты и психологическим развитием? Не вдаваясь в детали, можно сказать, что, с психоаналитической точки зрения, психологическое развитие индивида происходит на векторе постоянного переживания утраты иллюзорных представлений: вначале ребенок теряет иллюзию о том, что он «находится в центре вселенной», потом он теряет иллюзию, что может безгранично влиять на любящих его родителей, потом, — что внешний мир ограничен его ближайшими людьми, далее, — что он или его родители имеют власть над другими людьми, над социальными процессами, законами природы и т. д. и т. п. Так, шаг за шагом, индивид приближается ко все более и более реалистичному восприятию внешнего мира и своего места в нем, и этот процесс весьма болезненный. Следует заметить, что практически всегда неудачная проработка переживаний прошлых утрат влечет за собой развитие нарциссической защитной формации [6]. Предполагается, что эта структура образуется компенсаторно, ввиду невозможности перенести душевную боль утраты, то есть образуется защитная фантазийная система, основанная на идеализации и коррелирующим с ней обесцениванием. Оба эти взаимосвязанные механизма выполняют функцию предотвращения конфликтов с реальным внешним ми-

ром, ибо индивид не усматривает ни единого шанса повлиять «аллопластически»¹ на этот мир, не видит, что жизнь может предоставить ему (конструктивный) опыт, взаимный обмен, взаимообогащение. Нарцисстическая защита гарантирует не только отсутствие душевной боли, но и отсутствие связанных с переживанием утраты чувств одиночества, бессилия и угнетенности [7]. Если у индивида, развившего у себя эту защиту, есть множество талантов и способностей, ему нередко удается найти в жизни область, в которой он будет господствовать и доминировать. Таким образом, данный индивид достигает удовлетворения своих желаний, становится нечувствительным к человеческим обидам, и пока эта защитная стратегия функционирует, он застрахован от прорыва конфликтов.

Однако вышеописанная «жизненная концепция» срабатывает лишь до того момента, пока актуальный жизненный кризис или реальная жизненная ситуация не активируют «спящий под пологом» компенсаторно-приспособленческих поведенческих образцов патогенный конфликт (в психопатологии говорят о психической травме по принципу ключевого переживания [8]). В данном случае настойчивое упорствование индивида воспользоваться прежде удачной стратегией преодоления жизненных сложностей может уже само по себе стать психопатологическим симптомом, послужить причиной новых жизненных сложностей и, в конце концов, причиной глубокой (иногда психотической) декомпенсации. Такая динамика психического состояния особенно четко прослеживается в тех случаях, когда внешние и/или внутренние условия жизни индивида изменились настолько, что сводят на нет все попытки преодолеть кризис за счет имеющегося адаптационного репертуара.

Перл Кинг [9] выделяет пять факторов, особым образом активирующих тему утраты в инволюции, которые активируют все предыдущие переживания утраты, если они не были своевременно и в достаточной мере отработаны. Эти факторы подрывают чувство состоятельности в отношении влияния на свое социальное окружение, чувство, доминирующее у оптимистически настроенных людей [10]. Выражаясь конкретнее, речь идет о следующих моментах:

1) ослабление или полная утрата сексуальной потенции, или, рассматривая эту утрату в социальном контексте, можно сказать, что речь идет об иссякании жизненной силы, того капитала, «на проценты от которого мы до сих пор жили по принципу: что израсходовано сегодня — завтра

снова восполнится»; в инволюции «мы становимся пенсионерами, ибо вынуждены расходовать основной капитал» [11];

2) чувство ненужности на рабочем месте и в профессии;

3) самостоятельность детей, резко изменяющая психологическую ситуацию родителей;

4) утраты и ограничения, вызываемые болезнями или их последствиями;

5) в этой фазе жизни уже очень трудно отрицать факт неотвратимого прихода смерти.

Предлагаем проследить вышеописанную динамику на примере персонажа романа Томаса Манна «Будденброки», где весьма глубоко и в то же время филигранно описаны драматические переживания человека на пороге 50-летнего возраста, его мучительные и тщетные попытки разрешить свой внутренний кризис. Наступившая исподволь, казалось бы, без каких-либо причин, гнетущая тоскливая неудовлетворенность, утрата интереса к жизни, ощущение обманутости в своих ожиданиях и тщетности надежд возрождают в герое все дремавшие доселе утраты, обиды и разочарования. Все это представляется настолько несвойственным ему — успешному дельцу, счастливому семьянину, влиятельному человеку и душе общества, что наполняет его каким-то мистическим страхом. В слепых поисках утешения тоски герой, кажется, старается пройти вспять по всем этапам личностного развития и везде находит неразрешимые, непреодолимые задачи, невидимые до сих пор новые причины для тоски и разочарования. Жизнь становится для героя трудной, изнуряющей, но, однако, единственной ролью, от которой он то жаждет избавиться, то с паническим отчаянием боится потерять. С каждым днем для «вхождения в роль» герою требуется все больше усилий и времени для репетиции. Обратимся же к тексту романа²:

«... В этой комнате он проводил долгие часы не только по утрам, но перед каждым званым обедом, перед каждым заседанием в сенате или официальным собранием — словом, всегда перед тем, как куда-то отправиться, показаться на люди и даже просто перед обедом дома, за который, кроме него, сидели только его жена, маленький Иоганн да Ида Юнгман. Свежее белье на теле, безупречная и строгая элегантность костюма, тщательно вымытое лицо, запах бриллиантина на усах и терпкий, с холодком вкус зубного эликсира во рту давали ему по выходе из гардеробной удовлетворенное ощущение собранности, которое испытывает удачно загримировавшийся актер, направляясь на сцену. И правда! Жизнь Томаса Будден-

¹В общей психологии, как и в психоанализе, выделяют два основных вектора психической адаптации: аллопластический (когда под влиянием индивида изменяется внешняя среда) и аутопластический (когда под влиянием внешней среды изменяется индивид). (Прим. автора).

²Здесь и далее цитируется: Манн Томас. Собрание сочинений в десяти томах. — Т. I (Будденброки. История гибели одного семейства. Роман / Пер. с нем. Н. Ман). — М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1959.

брокa стала жизнью актера, но актера, чье существование, вплоть до мельчайшей из бытовых мелочей, сосредоточено на одной роли — на роли, которая, — за исключением кратких и редких часов, когда, оставаясь наедине с собой, исполнитель ее позволяет себе распусться, — требует непрестанного изнурительного напряжения всех сил. Отсутствие интереса, способного захватить его, обнищание, опустошение души — опустошение такое полное, что он почти непрестанно ощущал его как тупую, гнетущую тоску, — в соединении с неумолимым внутренним долгом, с упорной решимостью всеми средствами скрывать свою немощь и соблюдать *les dehors*, сделали существование Томаса Будденброка искусственным, надуманным, превратили каждое его слово, каждое движение, каждый, даже самый будничнейший его поступок в напряженное, подтачивающее силы лицедейство.

При этом всплывали странные черточки, своеобразные причуды, которые он сам с удивлением и неудовольствием подмечал в себе. В противоположность людям, не стремящимся играть какую бы то ни было роль, предпочитающим незаметно из темного угла наблюдать за другими, он отнюдь не хотел оставаться в тени и следить за теми, что движутся в полосе света. Напротив, он любил, чтобы яркий свет слепил ему глаза, а люди, публика, на которую он собирался воздействовать, — как обходительнейший светский человек, как инициативный делец, как шеф старинного торгового дома или, наконец, как публичный оратор, — виделись ему в тени, в качестве однородной массы, — только тогда он чувствовал необходимую уверенность, то слепое опьянение «игрой», которому он был обязан всеми своими успехами. (Характерный нарцисстический тип отношений с людьми³.) Более того, со временем только в этом хмельном состоянии лицедейства он стал чувствовать себя сносно. Произнося тост с бокалом в руке, любезно улыбаясь, изящно жестикуюлируя, поражая сотрапезников своим красноречием, развязывая всеобщее веселье, он, несмотря на свою бледность, походил на прежнего Томаса Будденброка; сохранять самообладание в минуту молчаливого бездействия ему было много труднее. В такие минуты им овладевали сомнения, усталость и недовольство собой, взгляд его делался тусклым, он переставал управлять мускулами лица, утрачивал привычную осанку. Его существо наполняло тогда одно желание — поддаться этому расслабленному унынию, потихоньку уйти и дома прижаться головой к прохладной подушке...»

Предполагаемая неверность жены не вызывает у него негодования, возмущения и гнева, она лишь усиливает ту обреченность и тоску, что стали его постоянными спутниками. Однако это со-

бытие открывает ему неведомый доселе пласт отношений с сыном:

«... в секунду, когда взоры их встретились, между ними исчезла всякая отчужденность, холодность, всякая неловкость и взаимное непонимание — настолько, что Томас Будденброк твердо знал теперь: не только в данное мгновение, но и всегда, когда речь будет идти не о бодрости, деловитости, а о страхе и боли, он может твердо полагаться на любовь и преданность сына.

Однако сенатор постарался этого не заметить, все сделал, чтобы пройти мимо такого открытия. В ту пору он строже, чем когда-либо, следил за практической подготовкой Ганно к будущей деятельной жизни, проверял его способности, требовал от него решительных изъявлений любви к будущему призванию и приходил в ярость при малейшем признаке сопротивления или равнодушия. Ибо сорока восьми лет от роду Томас Будденброк решил, что дни его сочтены, и уже начал считаться с возможностью близкой смерти».

Душевные терзания героя не преминули сказаться и на его физическом состоянии. Однако с каким-то юношеским нигилизмом он отказывается выполнять предписания врача, продолжая держаться за мелкие вредные привычки как за необходимый атрибут исполняемой им роли. В силу семейного воспитания Томас Будденброк стремился достичь успеха и признания, пускай даже вопреки собственным талантам и интересам, идя по проторенной предыдущими поколениями стезе. Падение жизненной энергии, сопутствующее возрасту, не позволяет ему столь же бодро и целеустремленно двигаться по пути успехов и свершений, а сформировавшиеся и закосневшие за многие годы копинговые стереотипы оказываются несостоятельными перед лицом жизненного кризиса и неспособными к какому-либо преобразованию.

«Его физическое самочувствие ухудшилось. Отсутствие аппетита, бессонница, головокружения и приступы озноба, которым он всегда был подвержен, уже не раз вынуждали его обращаться за советом к доктору Лангхальсу. Но заставить себя исполнять врачебные предписания он не мог. На это у него уже не хватало силы воли, надломившейся за годы мучительной апатии. Он начал долго спать по утрам, и хотя каждый вечер сердито принимал решение рано встать и перед чаем совершить предписанную прогулку, но осуществил это на деле только раза два или три. И так во всем. Непрестанное напряжение воли, безуспешное и не приносящее удовлетворения, терзало его самолюбие, временами доводило его до отчаяния. Он отнюдь не собирался отказываться от легкого дурмана маленьких крепких русских папирос, которые с юношеских лет привык курить в огромном количестве. Доктору Лангхальсу он так и заявил: “Видите ли, доктор, запрещать мне курить — ваша обязанность, кстати сказать, не

³ Здесь и далее по тексту в круглых скобках комментарии авторов.

слишком трудная и даже приятная, а вот придерживаться этого запрета — уж мое дело! Тут вам остается только наблюдать... Отныне мы будем вместе работать над моим здоровьем, хотя роли распределены очень несправедливо — мне достанется львиная доля работы! Да, да, не смейтесь! Я не шучу... Скверная штука работать в одиночку... Не закурит ли нам? Прошу!» — и он протянул ему свой тульский портсигар». (Здесь очевиден нарцисстический оттенок восприятия лечебного процесса: «мало мне забот об имидже, бизнесе, семье, меня еще пытаются отяготить заботами о здоровье», и типичная нарцисстическая реакция — ущемленное самолюбие и дистанцирование от причастного к этому переживанию человека — в данном случае от доктора Лангхальса, который удаляется из субъективного мира героя.)

«Его силы, душевные и физические, падали; крепло в нем только убеждение, что долго это продолжаться не может и конец уже не за горами. Странные предчувствия посещали его. Так, например, за столом ему вдруг начинало казаться, что он не сидит дома со своими, а смотрит на них из каких-то далеких, туманных сфер... “Я умру”, — говорил он себе и снова призывал Ганно, опять пытался воздействовать на него».

Мягкий и чувствительный, искренне любящий отца Ганно, отказывается стать «продолжением отца», тем самым ломая семейную традицию «нарцисстического расширения» и существенно подрывая и без того пошатнувшуюся самооценку героя, который, кажется, не способен к человеческим отношениям другого типа. Томасу Будденброку проще ухватиться за эфемерную мысль о гипотетическом существовании где-то своего молодого и полного сил двойника, нежели предстать слабым и чувствительным в глазах сына. Он отбрасывает возможность дальнейшего душевного сближения с Ганно, отказываясь реализовать через него, в угоду поиску экзистенциальных истин, как обычно, вечных, абсолютных и недостижимых:

«Но не только забота о будущем сына и фирмы заставляла его страдать. Что-то другое, новое, нашло на него, завладело его душой, заставляло работать его утомленный мозг. С тех пор как земной конец перестал быть для него отвлекающей, теоретической, а потому не приковывающей к себе внимания неизбежностью, а сделался чем-то совсем близким, осязаемым и требующим непосредственной, практической подготовки, Томас Будденброк начал задумываться, копаться в себе, испытывать свое отношение к смерти, к потустороннему миру. И едва сделав эту попытку, он постиг всю безнадежную незрелость и неподготовленность своей души к смерти.

Обрядовая вера, сентиментальное традиционное христианство — словом, то, что его отец умел так хорошо сочетать с практической деловитостью и что впоследствии усвоила его мать,

— всегда было чуждо Томасу Будденброку; к началу и концу вещей он всю жизнь относился со светским скептицизмом своего деда. Но, будучи человеком более глубоких запросов, более гибкого ума и тяготея к метафизике, он не мог удовлетворяться поверхностным жизнелюбием старого Иоганна Будденброка; вопросы вечности и бессмертия он понимал исторически, говоря себе, что жил в предках и будет жить в потомках. Эта мысль не только согласовалась с его родовым инстинктом, с патрицианским самосознанием, с уважением к истории семьи, но и давала ему силу для его деятельности, подстегивала его честолюбие и подкрепляла, поддерживала его во всех жизненных начинаниях. А теперь, перед всевидящим оком близкой смерти, она вдруг рухнула, рассыпалась в прах, не способная даровать ему хотя бы час покоя и сознания готовности к смерти.

Хотя Томас Будденброк всю жизнь кокетничал своей склонностью к католицизму, в нем жило серьезное, глубокое, суровое до самоистязания, немолимое чувство долга, отличающее истинного, убежденного протестанта. Нет, перед лицом высшего и последнего не существовало никакой помощи извне, никакого посредничества, отпущения грехов и утешительного забвения. В одиночестве, только собственными силами, в поте лица своего, пока не поздно, надо разрешить загадку, достичь полной готовности к смерти или уйти из этого мира в отчаянии. И Томас Будденброк разочарованно и безнадежно отвернулся от своего единственного сына, в котором надеялся жить дальше, омоложенный, сильный, и в торопливом страхе начал искать правды, которая ведь должна была где-то существовать для него. (...) Я надеялся продолжать жизнь в сыне? В личности еще более робкой, слабой, неустойчивой? Ребячество, глупость и сумасбродство! Что мне сын? Не нужно мне никакого сына!.. Где я буду, когда умру? Но ведь это ясно как день, поразительно просто! Я буду во всех, кто когда-либо говорил, говорит или будет говорить “Я”; и прежде всего в тех, кто скажет это “Я” сильнее, радостней...». (Опять ущемленное самолюбие и дистанцирование от причастного к этому переживанию человека — в данном случае от родного сына.)

В поисках истины он становится отрешенным, совершает несвойственные ему ранее поступки:

«К изумлению служащих, сенатор теперь часто уходил из конторы в разгар рабочего дня и, заложив руки за спину, отправлялся в сад — там он разравнивал гравий на дорожках, выуживал тину из фонтана, подвязывал розовые кусты... Лицо его со светлыми бровями, из которых одна была чуть выше другой, за этими занятиями становилось серьезным, внимательным, но его мысли блуждали где-то во мраке, по трудным, ему одному ведомым тропам.

Иногда он присаживался на балкончике павильона, сплошь увитого диким виноградом, и невидя-

щим взглядом смотрел на заднюю кирпичную стену своего дома. Теплый воздух, напоенный сладкими запахами, мирные шорохи вокруг, казалось, хотели умягчить, убаюкать его. Усталый от созерцания пустоты, измученный одиночеством и молчанием, он временами закрывал глаза, чтобы тут же вновь широко раскрыть их, гоня от себя умиротворение. «Я должен думать, — почти вслух произносил он, — должен все упорядочить, пока не поздно...».

Однажды в руки ему попала книга метафизических знаний, на которую раньше он не обращал внимания, забыв о ней сразу же после приобретения. Теперь же эта книга явила ему кладь мудрости, настолько созвучный его нынешнему состоянию, что ему казалось, что он вот-вот найдет ответы на все свои вопросы и разрешит все свои сомнения. Истина казалась где-то рядом. Ему чудилось, что он уже ухватил ее разумом, порой она мелькала во сне и ускользала вслед за пробуждением. Все это приводило его то в состояние, близкое к мистическому озарению и восторгу, то погружало в еще большие глубины безнадежного отчаяния и стыда.

«Неведомое чувство радости, великой и благодарной, овладело им. Он испытывал ни с чем не сравнимое удовлетворение, узнавая, как этот мощный ум покорил себе жизнь, властную, злую, насмешливую жизнь, — покорил, чтобы осудить. Это было удовлетворение страдальца, до сих пор стыдливо, как человек с нечистой совестью, скрывавшего свои страдания перед лицом холодной жестокости жизни, страдальца, который из рук великого мудреца внезапно получил торжественно обоснованное право страдать в этом мире — в лучшем из миров, или, вернее, худшем, как неоспоримо и ядовито доказывалось в этой книге. (...)

Поначалу он пропускал целые страницы, торопясь вперед, бессознательно алча добраться до главного, до самого важного, задерживаясь только на том, что сразу приковывало его внимание. Но вскоре ему попалась целая глава, которую он, плотно сжав губы и насунув брови, прочитал от первого до последнего слова, не замечая ни единого проявления жизни вокруг, с выражением почти мертвенной суровости на лице — ибо эта глава называлась: «О смерти и ее отношении к нерушимости нашего существа в себе». Он не успел дочитать только нескольких строк, когда горничная пришла звать его к обеду. Томас Будденброк кивнул, дочитал до конца, закрыл книгу и осмотрелся вокруг. Он почувствовал, что душа его необъятно расширилась, поддавалась тяжелому, смутному опьянению, мозг затуманился. Его почти шатало от того непостижимо нового, влекущего, искусительного, что нахлынуло на него, словно первая, манящая вдаль любовная тоска. Но когда он холодными, дрожащими руками стал класть книгу в ящик садового столика, его пылающий мозг, не способный ни на одну четкую мысль, был

так придавлен чем-то, так страшно напряжен, словно вот-вот что-то должно было лопнуть в нем.

— Что это было? — спрашивал он себя, идя к дому, поднимаясь по лестнице, садясь за стол. — Что со мной произошло? Что мне открылось? Что было возведено мне, Томасу Будденброку, сенатору этого города, шефу хлеботорговой фирмы «Иоганн Будденброк»?.. Ко мне ли это относилось? И смогу ли я это вынести? Я не знаю, что это было... Знаю только, что для моих бюргерских мозгов это чрезмерно много». (То же нарциссическое восприятие: «еще одна проблема на мою голову!»)

«В этом тяжком, смутном, бездумном состоянии, словно оглушенный чем-то, он пребывал весь день. Но наступил вечер, голова его стала бессильно клониться; он рано ушел спать и проспал три часа небывало глубоким сном. Проснулся он так внезапно, в таком блаженном испуге, как просыпается человек с зарождающейся любовью в сердце.

(...) Среди полной тишины, в теплой духоте летней ночи он лежал на спине и вглядывался во мрак. И что же: тьма вокруг расступилась перед его глазами, словно раздвинулась бархатная завеса, открывая его взгляду необозримую, уходящую в бесконечную глубину вечную светлую даль. «Я буду жить! — почти вслух проговорил Томас Будденброк и почувствовал, как грудь его сотрясается от внутреннего рыдания. — Это и значит, что я буду жить! Это будет жить, а то, неведомое, — это не я, морок, заблуждение, которое рассеет смерть. Да, так, так оно и есть!.. Почему?» И при этом вопросе ночь снова сомкнулась перед ним. Опять он ничего не видел, не знал, не понимал даже самого простого. Он крепче прижался головой к подушке, ослепленный, изнемогающий от той крупицы истины, которую ему только что дано было постичь.

Он продолжал лежать не шевелясь и, замирая, ждал, готовый молиться о том, чтобы вновь повторилось то, что с ним было, чтобы оно еще раз пришло и просветило его. И оно повторилось. Молитвенно сложив руки, боясь даже пошевелиться, он лежал, радуясь дарованному ему свету.

Что есть смерть? Ответ на этот вопрос являлся ему не в жалких, мнимозначительных словах: он его чувствовал, этот ответ, внутренне обладал им. Смерть — счастье, такое глубокое, что даже измерить его возможно лишь в минуты, осененные, как сейчас, благодатью. Она — возвращение после несказанно мучительного пути, исправление тяжчайшей ошибки, освобождение от мерзостных уз и оков. Придет она — и всего рокового стечения обстоятельств как не бывало.

Конец и распад? Жалок, жалок тот, кого страшат эти ничтожные понятия! Что кончится и что подвергнется распаду? Вот это его тело... Его личность, его индивидуальность, это тяжело-весное, трудно подвижное, ошибочное и ненавист-

ное препятствие к тому, чтобы стать чем-то другим, лучшим!

Разве каждый человек не ошибка, не плод недоразумения? Разве, едва родившись, он не попадает в узилище? Тюрьма! Тюрьма! Везде оковы, стены! Сквозь зарешеченные окна своей индивидуальности человек безнадежно смотрит на крепостные валы внешних обстоятельств, откуда смерть не призывает его к возвращению на родину, к свободе...

Индивидуальность!.. Ах, то, что мы есть, то, что мы можем и что имеем, кажется нам жалким, серым, недостаточным и скучным; а на то, что не мы, на то, чего мы не можем, чего не имеем, мы глядим с тоскливой завистью, которая становится любовью, — хотя бы уже из боязни стать ненавистью.

Я ношу в себе зачатки, начала, возможности всех родов деятельности и призваний... Не будь я здесь, где бы я мог быть? В качестве кого и чего я существовал бы, если б не был собой, если б вот эта моя личность не отделяла меня и мое сознание от личностей и сознаний всех тех, кто не я! Организм! Слепая, неосмысленная, жалкая вспышка борющейся воли! Право же, лучше было бы этой воле свободно парить в ночи, не ограниченной пространством и временем, чем томиться в узилище, скудно освещенном мерцающим, дрожащим огоньком интеллекта! (...)

Разве я ненавидел жизнь, эту чистую, жестокую и могучую жизнь? Вздор, недоразумение! Я ненавидел только себя — за то, что не умел побороть ее. Но я люблю вас, счастливые, всех вас люблю, и скоро тюремные тесные стены уже не будут отделять меня от вас; скоро то во мне, что вас любит, — моя любовь к вам, — станет свободным, я буду с вами, буду в вас... с вами и в вас, во всех!..

Он заплакал. Прижавшись лицом к подушке, плакал потрясенный, в дурмане счастья вознесшийся ввысь, — счастья, такого болезненно-сладостного, с которым ничто на свете не могло сравниться. Это и было все то, что со вчерашнего дня пьянило его смутным волнением, что ночью шевельнулось у него в сердце и разбудило его, как зарождающаяся любовь. И теперь, когда ему было даровано все это прозреть и познать — не в словах, не в последовательных мыслях, но во внезапных, благодатных озарениях души, — он уже был свободен, был спасен; узы разорвались, оковы спали с него. Стены его родного города, в которых он замкнулся сознательно и добровольно, раздвинулись, открывая его взору мир — весь мир, клочки которого он видел в молодости и который смерть сулила подарить ему целиком. Обманные формы познания пространства, времени, а следовательно и истории, забота о достойном исторически преемственном существовании в потомках, страх перед окончательным историческим распадом и разложением — все это отпустило его, не мешало больше постижению вечности. Ничто не начиналось и ничто не имело конца. Существовало

только бескрайнее настоящее и та сила в нем, Томасе Будденброке, которая любила жизнь болезненно-сладостной, настойчивой, страстной любовью; и хотя личность его была всего-навсего искаженным выражением этой любви, ей все же дано было теперь найти доступ к бескрайнему настоящему.

“Я буду жить!” — прошептал он в подушку, заплакал и... в следующее мгновение уже не знал о чем. Его мозг застыл, знание потухло, вокруг опять не было ничего, кроме тишины и мрака. “Оно вернется! — уверял он себя. — Разве я уже не обладал им?” И в то время как дремотное томление разливалось по его членам, он дал себе торжественное обещание никогда не упускать этого великого счастья, напротив — собрать все свои силы, чтобы учиться, думать, читать, откуда он не усвоит прочно и навечно всю философскую систему, которая даровала ему прозрение.

Но это было неосуществимо, и уже на следующее утро, проснувшись с чувством известной неловкости из-за духовных экстравагантностей, которые он себе позволил вчера, сенатор почувствовал, что из этого прекрасного порыва ничего не выйдет...». (Та же реакция — ущемленное самолюбие и дистанцирование от причастного к этому переживанию человека — в данном случае уже от самого себя.)

Столь резкие перемены настроения терзали внутренний мир героя и все больше отчуждали его от мира внешнего, а в конечном итоге — от собственных переживаний. Используя великолепную метафору Фрейда о слоеном торте с кремом, можно представить отчаянные метания Томаса Будденброка как тщетные попытки отыскать под слоями крема хоть один неизломанный корж. Но, увы, проблема в том, что толстый слой прежде украшавшего крема к настоящему времени ороговел и к тому же надтреснул, и теперь сквозь него видны лишь изломы да изъязны, а в результате героя всюду настигают стыд, одиночество да безысходность.

Краткие моменты успокоения герой находит, лишь обращаясь к наиболее ранним, архаичным способам совладания: изоляции от внешнего мира и сосредоточении на телесных ощущениях (вспомним замечательную сцену пребывания и выхода из гардеробной в первом из приведенных отрывков романа). Когда же и в этот, бывший доселе безопасным, оазис телесности, грубо вторгается внешняя реальность в виде боли, причиненной дантистом, да вдобавок с обещаниями еще неоднократных болезненных вмешательств, жизненный стержень героя ломается. Неудачная процедура, принесшая приступ острой боли и сулящая еще большую боль, вкупе с едва скрываемым равнодушием врача стали теми песчинками, которые превратили для героя тяжелую ношу жизни в невыносимый груз, окончательно подмявший его под себя.

«Господин Брехт подкрутил кресло повыше и, вооружившись зеркальцем и металлической палочкой, приступил к осмотру больного зуба. От его рук несло миндальным мылом, изо рта — бифидотексом и цветной капустой.

— Необходимо произвести экстракцию, — объявил он через минуту и побледнел еще больше.

— Что ж, приступайте, — отвечал сенатор, плотнее смыкая веки.

Наступило молчание. Г-н Брехт возился у шкафа, отыскивая нужные инструменты. Достав их, он снова приблизился к пациенту.

— Сейчас мы чуть-чуть смажем, — заявил он и тотчас же привел в исполнение свою угрозу, обильно смазав десну какой-то остро пахнущей жидкостью. Потом он, тихо, даже заискивающе попросив сенатора не двигаться и пошире раскрыть рот, приступил к работе.

Томас Будденброк крепко ухватился обеими руками за подлокотники кресла. Он почти не чувствовал, как г-н Брехт накладывает щипцы и только по хрусту во рту и непрерывно нарастающему, все более болезненному, неистовому давлению в голове понял, что все идет как надо. «Слава богу! — подумал он. — Надо перетерпеть. Оно будет все нарастать, нарастать без конца, сделается нестерпимым, катастрофическим, безумной, пронзительной, нечеловеческой болью, разрывающей мозг... И все останется позади... Надо перетерпеть».

Это продолжалось три или четыре секунды. Трепет и напряжение г-на Брехта передались всему телу Томаса Будденброка, его даже слегка подкинуло в кресле; до него донесся какой-то пискливый звук в глотке дантиста. Внезапно он ощутил страшный толчок, сотрясение — ему показалось, что у него переламываются шейные позвонки, — и тут же услышал короткий хруст, треск. Он быстро открыл глаза. Давление прошло, но неистовая боль жгла воспаленную, истерзанную челюсть, и он ясно почувствовал, что это не возделанный конец муки, а какая-то неожиданная катастрофа, только еще усложнившая все дело. Г-н Брехт отошел от него. Бледный как смерть, он стоял, прислонившись к шкафчику с инструментами, и бормотал:

— Коронка... я так и знал.

Томас Будденброк сплюнул кровавую слюну в синий тазик сбоку от кресла — значит, поранена десна — и спросил почти уже в бессознательном состоянии:

— Что вы знали? Что случилось с коронкой?

— Коронка сломалась, господин сенатор... Я этого опасался... Зуб никуда не годится... но я объявил был попытаться...

— Что же теперь?

— Положитесь на меня, господин сенатор...

— Но что вы собираетесь делать?

— Надо удалить корни посредством козьей ножки. Четыре корня.

— Четыре? Значит, четыре раза накладывать и тащить?

— Увы!

— Нет, на сегодня с меня хватит! — сказал сенатор. Он хотел быстро встать, но остался сидеть, закинув голову. — Вы, дражайший господин Брехт, не можете требовать от меня больше того, что в силах человеческих... Я не так-то уж крепок... На сегодня с меня во всяком случае хватит. Не будете ли вы так добры открыть на минуточку окно.

Господин Брехт исполнил его просьбу и сказал:

— Самое лучшее, господин сенатор, если бы вы взяли на себя труд заглянуть ко мне завтра или послезавтра, в любое время, и мы, таким образом, отложили бы операцию. Признаюсь, что я и сам... Сейчас я только позволю себе смазать вам десну и предложить полоскание, чтобы смягчить боль.

Все это было проделано, и сенатор вышел, сопровождаемый белым как мел г-ном Брехтом, сожгательно пожимавшим плечами, — это было все, на что еще хватало его слабых сил. (...)

Завернув на Фишергрубе, он стал спускаться вниз по левому тротуару и шагов через двадцать почувствовал дурноту. «Надо зайти в пивную на той стороне и выпить рюмку коньяку», — подумал Томас Будденброк и стал переходить улицу. Но едва он достиг середины мостовой, как... словно чья-то рука схватила его мозг и с невероятной силой, с непрерывно и страшно нарастающей быстротой завертела его сначала большими, потом все меньшими и меньшими концентрическими кругами и, наконец, с непомерной, грубой, беспощадной яростью швырнула в каменный центр этих кругов... Томас Будденброк сделал пол-оборота и, вытянув руки, рухнул на мокрый бульжник мостовой».

Дискуссия

Естественная, пускай внезапная и преждевременная, смерть Томаса Будденброка представляется читателю сродни акту самоубийства, настолько логичной она выглядит в свете душевных терзаний и глубочайшего тягостного уныния героя. Глубокая брешь, пробитая, казалось бы, в прочной нарцисстической броне, открывает нам, насколько хрупка эта броня при столкновении индивида с непредвиденными, хотя и закономерными, потерями: утратой присущей молодости энергии, физических сил, интеллектуальной и мужской потенции. Сенатор переживает эти утраты как психологическую смерть, и печаль его настолько сильна, что затмевает собой все доступные в его возрасте способы продолжения полноценной человеческой жизни. Е. Jackues [12] описывает данные переживания следующим образом: речь идет не собственно о смерти, а о бессознательной фантазии обездвиженности и беспомощности (то есть об утрате ощущения «я могу»), из-за чего собственное «Я» подвергается зна-

чительной фрагментации, тогда как способность переживать персекуторные страхи и мучения остается в сохранности.

Предпринимаемые попытки оставаться прежним, вести себя так, как прежде, все более истощают героя. Роль успешного светского льва и удачливого дельца уже не дается с прежним блеском. Герой представляется кем-то сродни профессиональному актеру, когда-то блиставшему в героических ролях, а ныне стареющему, но судорожно цепляющемуся за прежние амплуа, поскольку в постановках его театра роли стариков не предусмотрены. С ранней юности подавляя в себе способность наслаждаться жизнью в ее мельчайших проявлениях, многие годы успешно попирая в себе чувствительность и созерцательность, Томас Будденброк не подготовил для себя посадочной площадки в «аэропорту Старения и Старости», потому его столь стремительно начавшийся и успешно проходивший «полет» терпит неожиданное, но столь предсказуемое крушение.

Перед глазами читателя шаг за шагом разворачивается «нарцисстическая капитуляция» (или коллапс самооценки) героя по трем основным осям поддержания нарцисстического гомеостаза (гомеостаза самооценки) личности, описанных С. Мензусом [13]:

- 1) фантазийно-телесной;
- 2) идентификаторной;
- 3) социального признания.

Попытаемся проследить данный процесс. Вначале дает трещину социальная ось — герой теряет прежде присущую ему интуитивную связь с актуальными требованиями времени, его «нюх бизнесмена» слабеет и семейный бизнес постепенно приходит в упадок. Одновременно ему становится все тяжелее удерживать свой имидж обходительного светского человека, публичного оратора, души компании. Он с неудовольствием подмечает, что лишен близких человеческих отношений с кем-либо. Да и мог ли бы он, крупный делец и политик, себе их позволить? Пребывая в подобных размышлениях, он не разрешает себе возмутиться или хотя бы открыто заговорить о супружеской неверности жены, остается в одиночестве со своими подозрениями, что об этом давно знали все, кроме него. Социальная ось окончательно ломается, вследствие чего физическое и психологическое самочувствие героя ухудшаются, а компенсаторная нагрузка на оставшиеся две оси увеличивается.

Пытаясь восстановить самооценку за счет идентификаторной оси, Томас Будденброк обращается к сыну, требует от него решительных изъявлений любви к семейному бизнесу, требует продолжать его дело, как он когда-то продолжил дело своего отца, а тот — своего. Однако долгожданный наследник Ганно отказывается следовать семейным традициям, быть «нарцисстическим

расширением отца» и тем самым как бы вынуждает Томаса настойчиво напрягать все свои силы во имя «чести семьи», что резко усугубляет его душевный кризис. В нем созревает чувство близкой смерти, и он закономерно обращается к образам своих предков, к семейной истории, ретроспективно ее переосмысливая, но находит здесь лишь свою несхожесть, исключительность и обособленность. Идентификаторная ось, которая в инволюционном возрасте должна была «сыграть первую скрипку» [14], рассыпается в прах.

С этого момента герой теряет видимую связь с реальностью, погружается в мир фантазии, блуждает по тропам, ему одному ведомым, предается чтению метафизической литературы, заставляя усиленно работать свой уставший мозг. Кажется, он судорожно пытается найти выход из закрытого пространства, безграничного одиночества, в котором он себя замкнул своими собственными руками. Если очистить открывшееся ему ночью «откровение» от излишней патетики, то его можно было бы сформулировать следующим образом: «что-то в моей жизни построено неправильно, что-то в моей жизни нужно изменить» или более точно — «что-то во мне должно умереть и освободить место для рождения чего-то нового». Однако принятие подобного прозрения подразумевает отказ от привычных стереотипов поведения, признания собственного бессилия и некомпетентности, что для такого честолюбца, как Томас Будденброк, *именно смерти подобно*. Поэтому наутро он со стыдом гонит прочь ночные мысли и с этого момента окапывается ритуальными процедурами ухода за собственным телом, лишь в них находя мнимое и временное утешение, до тех пор, пока жизнь в виде зубной боли не прорывает этот последний оплот его гордыни. Неудавшаяся процедура, принесшая приступ новой острой боли и сулящая еще большую боль, вкупе с едва скрываемым равнодушием врача, внезапно ломает фантазийно-телесную ось поддержания самооценки, тем самым знаменуя окончательную «нарцисстическую капитуляцию» благородного мужа.

Взяв на себя известную долю смелости (и авантюризма), можно попытаться реконструировать предположительный механизм смерти героя. Наверное, в момент окончательного «коллапса самооценки» его внутренний мир безудержно захлестнули прежде сдерживаемые негативные эмоции — на бизнес партнеров, поочередно от него отворачивающихся; на жену, его предавшую; на сына, отказавшегося включиться в игру его амбиций; на стоматолога, небрежно к нему отнесшегося; на собственное тело, дряхлеющее и стареющее, без его на то согласия. Негативные эмоции, которые он никогда не позволял себе выплескивать, ибо статус публичного человека с безукоризненными манерами и репутацией не позволял ему этого делать, теперь прорвались и

могли им быть пережиты лишь в форме физиологического эквивалента эмоций (такое понимание соответствует психосоматической концепции алекситимии [15]). Поэтому, по логике вещей, «коллапс самооценки» на телесном уровне проявился в форме гипертонического криза, повлекшего за собой геморрагический инсульт, ставший, в свою очередь, собственно причиной физической смерти Томаса Будденброка.

Заключение

Проделав столь длительное (и, надеемся, увлекательное) путешествие по страницам мировой литературы, «сквозь дебри» философской, психоаналитической и психопатологической мысли, мы хотели бы вернуться к изначальному тезису Вольтера: «Тот, кто не ощущает прелестей своего возраста, обречен на страдание» и по-своему его переформулировать: «Тот, кто не умеет изменяться сообразно своему возрасту, обречен на страдание». В разное время жизнь играет с нами в разные игры: в детстве в куклы, в зрелости в шахматы, а в старости в прятки. И горе тому, кто борется с непредсказуемостью жизни!

ЛИТЕРАТУРА

1. Фрейд З. «Я» и «Оно». Труды разных лет / Пер. с нем. — Кн. 1. — Тбилиси: Мерани, 1991.
2. Erikson E. H. Human strength and the cycle of regeneration // E. H. Erikson. Insight and responsibility. — N.-York, 1966.
3. Erikson E. H. On the generational cycle // Int. J. Psychoanal. — 1980. — Vol. 61. — P. 213-233.
4. Лох В., Хинц Г. Основы психоаналитической теории (метапсихология) / Пер. с нем. — М.: Когито-Центр, 2007.
5. Ясперс К. Общая психопатология / Пер. с нем. — М.: Практика, 1997.
6. Хинцелвуд Р. Д. Словарь кляйнианского психоанализа / Пер. с англ. — М.: Когито-Центр, 2007.
7. Cohen N. H. On loneliness and the again process // Internat. Psychoanalytiker Kongress. — Helsinki, 1981.
8. Kretschmer E. Der sensitive Beziehungswahn. — Berlin: Springer, 1927.
9. King P. The life cycle as indicated by the nature of the transference in the psychoanalysis of the middle-aged and elderly // Int. J. Psychoanal. — 1980. — Vol. 61. — P. 153-160.
10. Neugarten B. C. The awareness of middle age. — Chicago, 1968.
11. Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости. — <http://www.lib.ru/Filosof/Shopengauer/aforizmi.txt>
12. Jacques E. Death and the middle crisis // Int. J. Psychoanal. — 1965. — Vol. 46. — P. 502-530.
13. Mentzos S. Neurotische Konfliktverarbeitung. Einführung in die psychoanalytische Neurosenlehre unter Berücksichtigung neuer Perspektiven. — Geist und Psyche, Fischer, 1984.
14. Loch W. Psychoanalytische Bemerkungen zur Krise der mittleren Lebensphase // Perspektiven der Psychoanalyse. — Stuttgart: Hirzel, 1985.
15. Любан-Плюца Б., Запорожан В., Аряев Н. Терапевтический союз врача и пациента. — К.: АДЕФ-Украина, 2001.